

лий; — оставлен. Кем? Друзьями <...> Жестокие, ужели толико лет сряду приветствие ваше, ласка, дружба, любовь были обман? <...> забыли меня» (I, 143—144). В понедельник и вторник надежды уже нет, и в тот момент, когда герой мысленно прощается с «вероломными» и «бесчувственными» друзьями, они возвращаются. Тема исчерпана. Дневник кончается.

Такой детальный анализ каждого дня «Дневника» под одним углом зрения сделан сознательно: важно было показать, что герой постоянно думает не о том моменте, когда вернутся друзья и кончится его одиночество, а о том — вернутся ли они вообще. Иными словами, у героя с первого момента разлуки рождается мысль о способности друзей предать его, т. е. он допускает наличие страшного порока у других. И вместе с тем не есть ли сама возможность родившегося в нем и непрестанно растущего сомнения в честности и искренности друзей — авторское обвинение самого героя? Авторскому обвинению сопутствуют неоднократные самообвинения героя. Два деятельных начала — вера и сомнение, обуславливающие двуслойность его сознания, сосуществуют. Часть сознания, питающаяся верой, стремится оборвать деятельность воображения, дающего пищу сомнению: «Несчастной! что ты произрек? Страхись!» (I, 140). Она обрывает на полуфразе стремление героя противопоставить слабостям друзей собственную добродетель и вскрывает истинную природу ее. Вот один из любопытнейших примеров: «Зовут обедать — мне обедать? С кем? одному! нет <...> Я хочу поститься. Я им принесу в жертву...». И вдруг: «...почто ты лжешь сам себе? Нет никакого в том достоинства. Желудок твой ослабел с твоими силами и пищи не требует» (I, 141). Этот пристальный и беспощадный анализ мельчайших движений чувства и сознания, внимание к совокупности всех качеств личности героя свидетельствуют о том, что в «Дневнике одной недели» Радищева «история души» — предмет художественного исследования. И метод этого исследования во многом предвосхищает толстовскую «диалектику души».

Представляется, что проделанный анализ «Дневника» дает возможность говорить об ощутимой связи этого очерка с эстетикой Руссо,³ и в частности с его «Исповедью». Непосредственные свидетельства о знакомстве Радищева с «Исповедью» неизвестны. Тем не менее из «Жития Федора Васильевича Ушакова» и «Путешествия из Петербурга в Москву» явствует, что Радищев не

³ О внимании Радищева к творчеству Руссо см.: *Макогоненко Г. П.* Радищев и его время (по именному указателю); *Лотман Ю. М.* Руссо и русская культура XVIII—начала XIX века. — В кн.: *Эпоха Просвещения. Из истории международных связей русской литературы.* Л., 1967, с. 564—578; *A. McConnell A.* 1) *Rousseau and Radišev.* — *The Slavic and East European Journal*, 1964, vol. 111, № 3, p. 253—272; 2) *A Russian philosopher Alexander Radishchev.* Hague, 1964; *Witkowski T.* *Radišev und Rousseau.* — In: *Studien zur Geschichte der russischen Literatur des 18. Jahrhunderts.* Berlin, 1963, S. 124—139.